

ПОЭЗИЯ "ЦИРКА" ДАМИРИЯ ВОДЕННИКОВ

ТРАМВАЙ

Баранов, Долин, я, Шагабутдинов,
когда мы все когда-нибудь умрем -
мы это не узнаем, не поймем
(ведь умирать так стыдно, так обидно),
зато как зайчики, ужасные соседи
мы на трамвае золотом поедем.

Сперва помедленней, потом быстрей, быстрей
(о мой трамвай, мой вечный Холидэй) -
и мимо школы, булочной, детсада -
трамвай, которого мне очень надо -
трамвай, медведь, голубка, воробей.

Уж я-то думал, я не упаду,
но падаю, краснея на лету,
в густой трамвай, который всех страшнее,
а он, как спичка, чиркнув на мосту
несется, заведенный в пустоту
(куда и заглянуть теперь не смею),
с конфеткой красной, потной на борту.

Но вот еще, что я еще хочу
(хоть это никогда не закричу) -
а позади уже бежит Стромынка:
обидно мне, что падая во тьму,
я ничего с собою не возьму -
ни синяка, ни сдобы, ни ботинка,
ни Знаменку, ни рынок, ни Москву.

А я люблю Москву - и вот шадабиду
я прямо с Пушки в небеса уйду,
с ВДНХа помашет мне Масловский.
Но мой трамвай, он выше всех летит,
а мне все жаль товарищей моих,
и воробьев, и воробьев московских.

Но если бы и мне ты тоже мог бы дать
на час - музеи все, все шарики отдать,
все праздники, всех белых медведей -
все, что бывает у других людей,
и что в один стишок не затолкать
(ведь даже мне всей правды не сказать), -

тогда, ах если бы (иначе я боюсь),
тогда Барановым и Долинным клянусь:
что без музеев (из последних сил
я в них всегда, как сирота, ходил),
без этих шариков, которые всегда
от нас не улетали никуда -
без них без всех - я упаду во тьму
и никого с собой - не утяну.

Конец июля - 20 октября 96

* * *

Когда бы я, как Тютчев, жил на свете -
и был бы гениальней всех и злей, -
о! как бы я летел, держа в кармане
Стромынку, Винстон, кукиш и репей.

О как бы я берег своих последних:
друзей, врагов, старушек, мертвцевов
(они с чужими, разными глазами
лежали бы плашмя в моем кармане),
дома, трамваи, тушки воробьев.

А если бы все они мне надоели,
я бы вывернул карманы - и тогда
они бы вертелись в воздухе, летели:
все книжки, все варьянты стихтврений,
которые родятся не успели
(но даже их не пожалею я).

Но почему же тогда себя так жалко -
и стыдно, что при всех, средь бела дня
однажды над Стромынкой и над парком,
как воробья, репейник и скакалку,
Ты из кармана вытряхнешь - меня?

* * *

Даниле Давыдову

Мне стыдно оттого, что я родился
кричащий, красный, с ужасом - в крови.
Но так меня родители любили,
так вдоволь молоком меня кормили,
и так я этим молоком напился,
что нету мне ни смерти, ни любви.

С тех самых пор мне стало жить легко
(как только теплое я выпил молоко),
ведь ничего со мною не бывает:
другие носят длинные пальто
(моё несбыточное, легкое мое),
совсем другие в классики играют,
совсем других лелеют и крадут
и даже в землю стылую кладут.

Все это так, но мне немножко жаль,
что не даны мне счастье и печаль,
но если мне удача выпадает,
и с самого утра летит крупа,
и молоко, кипя или звеня,
во мне, морозное и свежее, играет -
тогда мне нравится, что старость наступает,
хоть нет ни старости, ни страсти для меня.

* * *

Евгению Ш. Соколову, Кукулину
и другим моим друзьям

Куда ты, Жень, она же нас глотает,
как леденцы, но ей нельзя наесться.
(Гляди, любовниками станем в животе).
Так много стало у меня пупков и сердца,
что, как цветочками, я сыплюсь в темноте.

Я так умею воздухом дышать,
как уж никто из них дышать не может.
Ты это прочитай, как водится, прохожий,
у самого себя на шарфе прочитай.
Когда же меня в моем пальто положат -
вот будет рай, подкладочный мой рай.

Я не хочу, чтоб от меня осталось
каких-то триста грамм весенней пыли.
Так для чего друзьям меня хвалили,
а улица Стромынкой называлась?

Из-за того, что сам их пылью мог дышать,
а после на ходу сырье цацки рвать -
ботинкам розовым и тем со мною тесно.
Я был, я лгал, я сам себя любил
(с детсада жил в крови ужасный синий пыл),
но даже здесь мне больше нету места.
Я не хочу в Сокольниках лежать.
Где пустоцветное мое гуляет детство,
меня, как воробья в слюде, не отыскать.

Но вот когда и впрямь я обветшаю -
искусанный, цветной, - то кто же, кто же
посмеет быть, кем был и смею я?
За этот ад - матерчатый, под кожей
хоть кто-нибудь из вас - прости, прости меня.

1998 №32